

Глава V

«Ни короля, ни анархии!»: организация исполнительной и законодательной власти

В соответствии с проектом Комиссии одиннадцати будущая государственная система должна была выглядеть следующим образом: законодательная власть состояла из двух палат – Совета пятисот (500 депутатов, разрабатывающих законопроекты) и Совета старейшин (250 депутатов, принимающих законы), а исполнительная вручалась Директории из пяти человек, назначаемой Советом старейшин по списку, представленному Советом пятисот.

Первое новшество, которое обращает на себя внимание, – это, безусловно, двухпалатный Законодательный корпус. Еще во времена Учредительного собрания Конституционный комитет предлагал разделить его на Сенат и Палату представителей¹, однако тогда эта идея так и не была воплощена в жизнь. В 1795 году с аналогичным предложением выступила Комиссия одиннадцати. «Комиссия не претендовала быть более мудрой, – писал по этому поводу Тибодо, – чем основатели американской республики; Конвент был просвещен своим собственным опытом; так что двухпалатная система была одобрена практически единогласно» (против был лишь Берлье)².

Комиссия была в этом плане не одинока: разделение Законодательного корпуса предусматривалось и в многочисленных проектах³ в качестве своеобразного самоограничения законодательной власти, должного придать ей дополнительную устойчивость⁴ и

¹ *Baker K.M. Constitution // DCRF. P. 544-545.*

² *Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 182.*

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 25; Ibid., d.183 bis * 4/2. Doc. 52; Ibid., d.183 bis * 4/2. Doc. 70; Ibid., d.183 bis * 4/3. Doc. 94 и многие другие.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 48.

гарантировать законодателей от «пагубного воздействия энтузиазма» – то есть поспешности и необдуманности¹.

Однако прежде чем переходить к рассказу о дискуссии в стенах Конвента², рассмотрим подробнее, какие предложения получала по поводу новой структуры законодательной власти Комиссия одиннадцати, а также коснемся проектов, разрабатывавшихся журналистами и публицистами.

Что касается писем, полученных Комиссией, то они, прежде всего, четко делятся на две группы: написанные до 5 мессидора III года (даты выступления Буасси д'Англа, когда проект был предан гласности) и после этой даты. Очевидна эволюция взглядов их авторов: вначале постепенный отказ от представлений, диктуемых Конституцией 1793 года, затем, после речи Буасси, появление принципиально новой базы для размышлений и полемики.

При этом, поскольку решение о выработке нового проекта основного закона было принято Комиссией без какого-либо специального постановления Конвента на эту тему, авторам, работавшим в жерминале-прериале, нередко приходилось так или иначе обосновывать необходимость пересмотра если не всей якобинской конституции, то хотя бы некоторых ее статей. И если при обсуждении раздела о правах человека в первую очередь речь шла о сомнительности права на восстание, то здесь в большом количестве проектов, появившихся до начала открытия официальной дискуссии, говорилось о невозможности организовать систему утверждения законов в соответствии с Конституцией 1793 года³.

¹ Этой же цели была призвана служить и ежегодная ротация Советов не на 1/2, а на 1/3 (*Moniteur*. № 336. P. 1354). Однако депутат Паганель впоследствии писал, что опасности, которой хотели избежать, создав две палаты, не избежали, так как это были две палаты одного Законодательного корпуса. *Paganel P. Op. cit. Vol. 2. P. 417.*

² Для правильного понимания хода дебатов в Конвенте необходимо отметить: очень сильно чувствуется, что многие депутаты собираются занять должности и во вновь создаваемых структурах, «примекая» их на себя.

³ Приведенные ниже размышления вписываются, на мой взгляд, и в более широкие историографические дискуссии – как о применимости Конституции 1793 года в принципе, так и о том, была ли она на самом деле столь демократичной, как это неоднократно пытались представить.

Наиболее четко сделал это, пожалуй, Ленуар-Ларош. Ссылаясь на целый ряд статей Конституции 1793 года, он утверждал, что такого разнообразия законов, выносимых на суд народа, не знала даже Античность – ни Афины, ни Рим, ни Спарта. Может ли население, на три четверти состоящее из зарабатывающих себе на жизнь собственным трудом, постоянно собираться для обсуждения всех этих законов, для выборов множества предусмотренных конституцией должностных лиц, вплоть до судей кассационного суда, да еще и по желанию 1/5 граждан? Даже если это и удалось бы организовать чисто физически, затраченные усилия оказались бы, по мнению публициста, в известной степени бессмысленными, поскольку граждане в первичных собраниях не были уполномочены вносить поправки к законопроектам – они были в праве их либо одобрять, либо в целом отвергать, не говоря уже о том, что народ едва ли был бы в состоянии достаточно квалифицированно высказаться по большинству законопроектов. К тому же Конституция 1793 года не устанавливала четкого различия между законами и декретами, для которых одобрение народа не требовалось. В то же время, само введение института декретов казалось Ленуар-Ларошу естественным, если учесть, сколько времени должно было пройти с момента выдвижения законопроекта до одобрения закона первичными собраниями¹.

В письмах, полученных Комиссией, также нередко отмечалось, что право народа на «утверждение»² законопроектов представляло собой чистую фикцию. С одной стороны, срок в 40 дней казался слишком маленьким для того, чтобы успеть организовать нормальное обсуждение³. С другой, – сомнительной казалась и сама идея обсуждения законов в первичных собраниях, которым реально не хватило бы для этого ни времени, ни компетентности⁴.

¹ *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 33 et suiv.

² Я беру это слово в кавычки, поскольку Конституция 1793 года, фактически, требовала не реального утверждения законов, а лишь чтобы законопроект не был отвергнут.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23; Ibid., d.183 bis * 3/2, Doc. 61. P. 6. Об этом же шла речь и в прессе. См., например: *Le libre penseur*. [1795.] № 2. P. 53.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23.

Для исправления данной ситуации предлагалось несколько вариантов. Авторы первого из них исходили из того, что система 1793 года принципиально верна – надо лишь ее улучшить. Для этого можно либо организовать специальные дискуссионные клубы, в которых собирались бы замечания и подписывались петиции¹, либо создать особые комиссии при первичных собраниях для более глубокого анализа законопроектов², либо, если считать прямую санкцию народа необходимой, собирать первичные собрания достаточно редко, например, раз в год³ для утверждения всего, что за это время успел принять Законодательный корпус.

Другой путь в рамках того же варианта – организовать как можно более тщательное обсуждение законов парламентом. В этом плане любопытно одно из предложений, по которому депутатам при голосовании по каждому законопроекту предлагалось прежде всего ответить на три вопроса: «Соответствует ли предлагаемый закон Правам человека? Покушается ли он на Конституцию Республики? Нужен ли он?»⁴. Порядок вопросов представляется мне весьма характерным.

Второй вариант: за народом необходимо сохранить право высказываться по принятым законам лишь в случае крайней необходимости (например, когда исполнительная власть отказывается их санкционировать)⁵. Третий вариант и вовсе обходился без утверждения законов первичными собраниями. Те же, кто считали подобный шаг слишком смелым⁶, придумывали дополнительные украшения для имеющейся системы, принципиально не меняющие порядок ее функционирования. Например, предлагали, чтобы первые два года закон считался временным, а народ в этот период мог посылать петиции, если его что-то в данном законе не устраивает⁷.

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23.

² *Petion J.* Op. cit. P. 12.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23; *Ibid.*, C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 90.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 7.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 32.

⁶ Напомню, что, скажем, в соответствии с теориями Руссо, закон не является таковым, пока не утвержден сувереном. См., например: «Об общественном договоре», II, VI.

⁷ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 3.

В то же время следует отметить, что и после опубликования проекта Комиссии в Конвент продолжали идти письма, рассматривавшие в качестве неотъемлемого права народа как обладать законодательной инициативой, так и утверждать законопроекты. Так, в одном из них говорилось: «Самое драгоценное из всех прав, связанных с суверенитетом – это величественная власть создавать законы. Если Нация суверенна, как ее депутаты могут претендовать на то, что им не нужны ни мандаты, ни инструкции? Какой суверен навсегда покидает своих послов, своих посольных, на волю их собственных капризов?»¹. В этом плане работа первичных собраний рассматривалась именно как способ выразить депутатам волю народа.

Приведенная цитата видится мне весьма важной еще в одном плане. Для выяснения полномочий будущих депутатов Законодательного корпуса и их взаимоотношений с первичными собраниями, необходимо было сначала определить их статус. Конституционное право предлагало для этого несколько терминов: «представители» (*représentants*), «делегаты» (*délégués*), «уполномоченные» (*mandataires*).

И это была отнюдь не игра слов. Представители народа получали изрядную долю суверенитета, делегированную первичными собраниями, и могли распоряжаться ею по своему усмотрению. В то же время все остальные категории обладали лишь неким «мандатом», более или менее конкретным, и не могли превысить изначально данные им полномочия.

Как известно, депутаты Конвента считали себя представителями народа. Однако они прекрасно знали, что, в соответствии с теорией Руссо, суверенитет неотчуждаем², а этот философ, по крайней мере, если верить многочисленным упоминаниям его имени в дебатах, оставался одним из наиболее авторитетных мыслителей. Отсюда происходила, как мне представляется, определенная двойственность: депутаты стремились остаться в рамках доминирующих политических теорий, находя в них своеобразный идейный

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114.

² «Об общественном договоре», II, I.

фундамент для отправления своих функций или доказательств собственной правоты, и, в то же время, легко и «не замечая» этого, порывали с теми же самыми теориями, когда те шли вразрез с их выгодой.

С одной стороны, при упразднении монархии с народом даже не посоветовались (и депутатов за это нередко упрекали), с другой, – законодатели ссылались на то, что через наказания выборщиков получили на это мандат. Не раз всплывала тема полномочий и во время дискуссии по конституционному проекту. Так, например, депутат Ж.Б. Мартен (*Martin*) во время своего выступления ставил вопрос не только от собственного имени, но и от имени своих доверителей (*commettants*)¹, а Ф.Ж. Гамон (*Gamon*) подчеркивал, что члены Конвента обладают «неограниченными полномочиями, врученными им народом»². Третий же депутат специально отмечал, что «народ, делегируя своим представителям право предлагать законы, оставляет за собой их утверждение; но поскольку он не может собраться в одном месте, чтобы это сделать, он доверяет заботиться об этом людям мудрым и мыслящим» – имелся в виду Совет старейшин³.

Однако постановления Конвента далеко не случайно назывались декретами, а не законами. И отказ термидорианцев от представлений о том, что закон обязан получить для своего вступления в силу санкцию народа, пусть даже «молчаливую», как это было предусмотрено в Конституции 1793 года, видится мне весьма важным шагом, заслуживающим особого внимания. «Поскольку народ не может сам осуществлять функции управления, – писал Р. Ронзье в памфлете “Правление”, – он должен делегировать власть своим уполномоченным. Это неотъемлемое и естественное право неизбежно появляется, как только рождается общество, и составляет

¹ *Moniteur*. № 292. P. 1112.

² *Gamon F.G. Discours sur les moyens de rallier l'opinion publique aux vrais principes de la révolution, et de rétablir la concorde entre tous les français; contenant une rèsumé historique des principaux événements qui ont eu lieu depuis le 10 août 1792; prononcé par Gamon, Représentant du peuple, dans la séance du 23 thermidor, l'an 3e de la République française. P., III. P. 8.*

³ *Moniteur*. № 305. P. 1229.

политическую свободу»¹. А Лемуар-Ларош предлагал отказаться и от самого определения депутатов как «уполномоченных» — они должны быть «представителями», ведь никто заранее не знает, что им придется обсуждать².

В итоге по Конституции III года единственная возможность для первичных собраний повлиять на законодательство сводилась лишь к подаче петиций, а также к попытке провести выборщиков, разделяющих их точку зрения. И, как я уже отмечал, особая роль отводилась общественному мнению, в частности, прессе³.

Для многих подмена понятий была более чем очевидной. В своих «Размышлениях о Франции» 1797 года Ж. де Местр посвятит ей несколько язвительных и горьких страниц. Он даже откажет этой системе в праве называться республикой, поскольку народ оказывается оттесненным, с его точки зрения, от реального управления, особенно при том, что депутаты по-прежнему считаются представителями не конкретных регионов, а Нации в целом⁴.

Однако весна-лето 1795 года были еще, как мне представляется, некоторым переходным периодом в этом процессе.

С одной стороны, часто можно было услышать призыв вернуться к истокам, задуматься о природе понятий, привести их в соответствие с теорией. Поскольку народ не может делегировать «законодательную власть», писал автор анонимного памфлета «О праве гражданства», то и Законодательный корпус не в праве так называться, поскольку он должен лишь *предлагать* законы. Естественно, что при этом «уполномоченные народа» не могут назначать и исполнительную власть, поскольку она должна исполнять законы непосредственно от имени народа⁵, тогда как «суверенитет французского народа реально существует, лишь когда тот собран

¹ *Ronzier R.* Du Gouvernement ou principes naturels pour le rendre aussi bon que solide, avec une garantie suffisante des Droits de l'Homme et du Citoyen. MontPELLIER, 1795. P. 30.

² *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 108.

³ См., например: *Ronzier R.* Op. cit. P. 51.

⁴ *Maistre J. de.* Considérations sur la France // *Maistre J. de.* Ecrits sur la Révolution. P., 1989. P. 127 et suiv.

⁵ Observations sur le droit de cité... P. 20, 30, 33.

вместе»¹. А поскольку этот суверенитет «един, неделим, неотъемлем и неотчуждаем», то у народа вообще не может быть представителей – только уполномоченные².

Никто не спорит с тем, что депутаты – представители народа, добавлял Дюпон де Немур, «но они не являются и не должны ими быть лишь в соответствии с личными способностями. Они должны прибывать в Законодательный корпус, обогащенные всем, что можно собрать и объединить из сведений, хороших мыслей и патриотических предложений в отправивших их регионах». Они обязаны также получать инструкции, причем императивные, об исполнении которых впоследствии необходимо будет давать отчет³. Это было принципиально и в плане возможности пересмотра Конституции 1793 года, ведь, как напоминал Комиссии одиннадцати один из ее корреспондентов, если весь народ принимает законы, то ни какая-либо его часть, ни его уполномоченные, не имеют права их отменить или отсрочить⁴.

Не случайно и то, что вопрос о «мандате» столь остро встал впоследствии в тех первичных собраниях, которые посчитали, что Конвент превысил свои полномочия, приняв декреты о двух третях. В диалоге, опубликованном от имени одного из членов секции Мельничного Холма говорилось:

«В[опрос]: Разве при Старом порядке посланники (*ambassadeurs*) королей или их так называемые представители имели право при тех дворах, к которым были отправлены, заключать договоры и союзы, руководствуясь своей совестью или своим желанием, без четко выраженной воли своих хозяев?

О[твет]: Нет, посланники, называемые представителями королей, были лишь их уполномоченными, носителями или посредниками для передачи приказов своих хозяев. [...]

В.: Что следует из этого простого вывода?

О.: Из него следует, что деспоты, державшиеся за узурпированные ими права, позволяли посланникам лишь передавать свои

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 66.

² A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 26. P. 64.

³ *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif...* P. 35-36.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 64.

распоряжения, а если кто-то из посланников отклонялся от них, его тут же отзывали, заменяли и карали.

Суверен же, чьи неотъемлемые и неотчуждаемые права не являются узурпацией, должен тем более стремиться к сохранению этих прав, а если один из его уполномоченных на них покусится, он должен быть отозван, заменен и наказан. [...] Таким образом, наши уполномоченные должны лишь передавать наши распоряжения, точно их придерживаться, не отклоняться от них и отвечать перед своими доверителями за все, что они сказали, написали или сделали, пребывая в должности уполномоченных»¹.

«Если Суверенитет зиждется в народе, – напоминал Конвенту в своем обращении Генеральный совет Шалона-на-Марне 13 фрюктидора (30 августа), – то пытаться его ограничить в назначении своих Уполномоченных – покушение на этот суверенитет. Доверию не приказывают»². Впрочем, в переписке Комиссии одиннадцати слово «уполномоченные», когда речь идет о депутатах Конвента, встречается весьма часто и без какой бы то ни было ясно видимой подоплеки³.

С другой стороны, во время дискуссии в Конвенте этот вопрос практически не поднимался. Депутаты достигли молчаливого согласия о том, что народный суверенитет отныне будет рассматриваться под иным углом зрения, а референдум закрепил это решение.

Помимо вопросов о суверенитете, существовал и ряд иных проблем, которые затрагивались в переписке Комиссии и памфлетах. Так, например, дебатировался вопрос о том, как следует назвать будущие органы государственной власти. Высказывалась, в

¹ *Gros de Luzene*. [Sans titre]. P., s. d. P. 3, 4, 7.

² Adresse du Conseil Général de la Commune de Chalons-sur-Marne, à la Convention Nationale. 13 fructidor, 3e année. S.l., s.d.

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 62; Ibid., d.183 bis * 5/3. Doc. 117. См. также: À la Convention Nationale, la section du centre de Dijon... P. 2. Таким образом, я отнюдь не настаиваю на том, что за каждым упоминанием этого термина обязательно что-то стояло, точно также как не приписываю тайных намерений восстановить монархию тем, кто употребляет вместо слова «граждане» более привычное им слово «подданные» (*sujets*). См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 101; Ibid. Doc. 102 («*sujets de la République*»).

частности, мысль, что следует отказаться от словосочетания «Законодательный корпус», поскольку простым людям оно непонятно, его будет трудно употреблять. Привычнее говорить «парламент», «конгресс», «ассамблея народа», «Генеральный совет», а Директорию стоит называть сенат, малый совет, управляющий совет и даже регентство¹.

Из предлагаемых названий для всех ветвей власти лидирует, пожалуй, слово «сенат» (хотя чаще всего его применяют, естественно, к Законодательному корпусу в целом или к одной из его палат), а один из авторов предлагает назвать сенатами обе палаты сразу². В остальном разброс достаточно велик: Национальный конгресс, состоящий из Палаты представителей, Сената и Президента³, Совет эфоров и Консулы⁴, Палата общин⁵, палата предложений и палата обсуждений⁶, Общий Совет Нации⁷ и т.д.

Еще один вопрос – где разместить будущие органы государственной власти? Обратим внимание на то, что проблема взаимоотношений Парижа и провинции могла бы сама по себе составить тему для крайне интересного исследования. И если в Комиссии лишь Тибодо, насколько мне известно (да и то с его слов), выступал за то, чтобы убрать Законодательный корпус из Парижа⁸, то в переписке и в памфлетах эта тема звучит постоянно.

С определенной осторожностью можно заметить, что для авторов многих писем Париж – город загадочный, непредсказуемый, и потому опасный. Большое скопление народа порождает анархию, что, в свою очередь, может привести к новым революциям⁹. Это город «развращающий и развращенный, где многочисленные негодяи бодрствуют без усталости, а честные граждане слишком часто

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 18.

² A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 17.

³ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 89.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 37; Ibid., AA 34. Doc. 1004.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 4.

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 94.

⁷ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 29.

⁸ *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 184.

⁹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 76.

спят»¹. Страх перед влиянием Парижа порой приводит к выводам, которые сегодня кажутся лежащими за пределами нормальной логики: предлагалось, скажем, не только удалить депутатов Законодательного корпуса из столицы, но и поместить их в специальный «лагерь, куда доступ всем остальным будет закрыт, и будет открываться лишь для сношений, необходимых для Нации»². Это, конечно, своеобразный пример доведения постулата до абсурда, однако многие авторы настаивают на том, чтобы убрать будущий Законодательный корпус из столицы, ссылаясь, в частности, на опыт США: ведь там Конгресс не случайно не заседает ни в Филадельфии, ни в Нью-Йорке, ни в Бостоне³. Можно и во Франции найти какое-нибудь тихое местечко, вроде Буржа, удобного расположенного в центре страны⁴.

Хорошо было бы также территориально разделить Директорию и Законодательный корпус. В этом случае Директория может остаться и в Париже, но вот депутатов стоило бы из столицы перевести⁵, хотя идеально было бы, чтобы ни одна из властей не заседала в столице⁶, а еще лучше разбросать по разным городам обе палаты Законодательного корпуса⁷ и не подпускать к ним выборщиков⁸.

Все эти размышления могут показаться в известной степени неожиданными, однако нельзя забывать о том, что структура или система власти в стране за время Революции не один раз менялась именно благодаря восстаниям парижан. Отсюда боязнь новых восстаний, но отсюда же и сильнейшая ревность, которую испытывали жители провинции к столице. Попытки уравнять Париж с остальными городами страны постоянно сочетались с попытками

¹ Adresse des citoyens de Clermont-Ferrand, département du Puy-de-Dôme, à la Convention Nationale. 6 prairial, l'an troisième. Clermont-Ferrand, s.d. P. 3.

² A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114.

³ *Laborde-Noguès J.* Apperçus sur la Constitution Républicaine à donner au Peuple français. P., III. P. 4.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 86.

⁵ Есть здесь и второй план: оставаясь в столице, исполнительная власть легче будет усмирять восстания. A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

⁶ A.N., C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 68.

⁷ A.N., C 231, d.183 bis * 10/3. Doc. 131.

⁸ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 54.

найти для этого города какой-то особый статус. Так, например, в заметках Сийеса, относящихся к III году, можно обнаружить следующую фразу: Париж не принадлежит «конкретным людям. Это город всех французов»¹.

И хотя эти проекты не были реализованы в Конституции III года – и Директория, и оба Совета остались в Париже, – противостояние «Париж – провинция» представляется мне весьма принципиальным. По крайней мере, с моей точки зрения, именно здесь кроется если не одна из причин, то, по крайней мере, один из поводов для восстания 13 вандемьера IV года Республики.

Не мог не привлечь интерес авторов проектов и вопрос о структуре будущего Законодательного корпуса. Если вначале доминировали предложения, в которых тот должен был состоять из одной палаты, то после речи Буасси начали преобладать варианты, предусматривающие создание двух палат. А один юрисконсульт из Гавра, предлагая назвать законодательный орган комициями, предусматривал целых пять их видов: полномочные, парламентские, регламентирующие, консульские и петиционные².

Подобное предложение было, разумеется, одним из крайних вариантов, однако с разграничением полномочий палат все оказалось действительно не так просто. Если одни авторы исходили из принципа полного равноправия при избрании и даже предлагали делить на палаты на первом заседании по жребью³, то другие предполагали более высокий имущественный ценз и больший возраст для депутатов второй палаты или даже считали, что верхняя палата вправе распустить нижнюю⁴. Если одни проводили разграничение функций по вертикали (составление законопроектов и их утверждение), то другим казалось логичнее упорядочить их по горизонтали (например, поручив первой палате заниматься в основном вооруженными силами и внешней политикой, а также доверив ей

¹ A.N., 284 AP 5. Doss. 1. Doc. 3.

² По его проекту также предполагалось иметь пять типов судебных органов – сенатов. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 1.

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 18, 32; *Ibid.*, d.183 bis * 4/2. Doc. 65, 76; *Ibid.*, d.183 bis * 4/3. Doc. 94; *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit.* P. 142.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 4.

надзор за исполнительной властью и суд по обвинению в государственной измене, тогда как второй отдать гражданское и уголовное законодательство, финансы¹). Были, разумеется, и смешанные варианты, как, например, проект Дюпона де Немура, предусматривавший, с одной стороны, что нижняя палата выдвигает законопроект, а верхняя его утверждает, а с другой, – что все депутаты, выбывающие в результате ротации из нижней палаты, становятся депутатами верхней².

Приводились и аргументы против градации функций³. Ее противники полагали, что подобная мера закроет дорогу талантливым молодым людям, приводя в пример как военачальников (Ж.Б. Журдана, Ж.Ш. Пишегрю), так и философов (Руссо, Мабли)⁴. В то же время были авторы, которые, как, например, Лезей-Марнезия, предлагали при избрании палат комбинировать различные виды цензов. Например, ввести имущественный ценз для депутатов Совета пятисот, а при избрании в Совет старейшин учитывать лишь градацию функций⁵.

Не имела однозначного решения и другая проблема: в какой степени палаты должны быть обособлены одна от другой. Возможно ли, скажем, совместное заседание? В итоге появлялись проекты, в которых, как, например, у Бастида из Тулузы, депутаты перераспределялись между палатами каждую четверть легислатуры, а на совместном заседании решалась судьба законопроектов, отвергнутых верхней палатой⁶.

В то же время встречались и принципиальные возражения против создания двух палат. Так, некий Баярд из Парижа полагал, что это прямое заимствование американской модели, однако в США сенаторы – представители штатов, а во Франции все депутаты – представители одного народа. Таким образом, вполне можно

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 76.

² *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif... P. 65 et suiv.*

³ То есть против предусмотренной в проекте необходимости занимать определенные общественные должности до того, как стать депутатом.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 81.

⁵ *Lezay-Marnezia A. de. Des causes de la Révolution et de ses résultats. P., 1797. P. 63.*

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 94.

ограничиться одной палатой, которая создаст различные комитеты по анализу законопроектов¹. Кроме того, некоторым две палаты напоминали представительство по сословиям², а все связанное со Старым порядком, пусть даже по аналогии, отвергалось весьма резко.

Отдельную группу составляли предложения и мнения, направленные на то, чтобы попытаться каким-то образом «призвать к порядку» будущих депутатов, ввести их в определенные рамки.

Любопытно, что во многих проектах присутствует одна и та же идея: законов следует разрабатывать мало, быть может, их принятие даже должно становиться, как это предлагает гражданин Симон из департамента Ду, национальным праздником³. «У нас нет ничего, кроме новых законов, – пишет другой автор, – законов, действие которых нам абсолютно неизвестно, и которые еще сегодня исполняются так, что это заставляет усомниться в их исполнимости»⁴. «Нет ничего более опасного, – добавляет третий, – чем поспешное принятие законов, которые множатся и, в конце концов, почти всегда противоречат друг другу»⁵. Отсутствие стабильности в законодательстве называли даже «постоянной революцией»⁶.

Однако авторов проектов волновало не только количество законов, но и их качество. Не случайно некоторые из них, как, к примеру, Деляплянш, бросаются в другую крайность, предлагая исполнять законы лишь один год, после чего подвергать их повторному рассмотрению⁷. При этом многие считали, что огромное количество законов, «закономания», пользуясь словечком одного из корреспондентов, вызвано прежде всего искусственно растянутой продолжительностью сессии парламента. Отсюда многочисленные предложения не устраивать непрерывных сессий, а ограничить их несколькими месяцами в году⁸. Если же депутаты опасаются

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 105; Ibid., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 94.

² A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 84.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 28.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 61. P. 2.

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ *Delaplanche*. Op. cit. P. 37.

⁸ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 105; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 52.

потерять контроль над событиями или исполнительной властью, то могут, перед тем как разойтись, назначить поименным голосованием директорию из 30 человек, которая в случае необходимости сможет вновь созвать парламент¹ (другой вариант – оставить с той же целью, скажем, председателя и шесть секретарей Законодательного корпуса²).

Немало пожеланий было высказано и по внутренней структуре будущего парламента, и здесь едва ли не самой популярной была идея уменьшения количества депутатов³. Многие объясняли ее тем, что так проще выбрать достойного⁴ – «мудрость редко содержится в большом числе»⁵. Помимо этого, новый Законодательный корпус уже не будет нуждаться в стольких комитетах – их функции перейдут к исполнительной власти⁶. К тому же «чем более многочисленна ассамблея, тем больше она делится на партии и факции»⁷. «Вопрос о двух палатах имеет лишь вторичное значение, – писал по этому поводу Л.Г. Петитэн, – я же прежде всего настаиваю на *небольшом количестве представителей*»⁸. И даже после публикации проекта Комиссии (предполагавшего, как известно, то же суммарное количество депутатов, что и в Конвенте) число депутатов в большинстве предложений продолжало оставаться меньше 750⁹.

¹ A.N., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 110. См. также: A.N., С 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 10.

² *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif...* P. 114.

³ По воспоминаниям Тибодо, в Комиссии с этим предложением выступали Боден, Лесаж и Ланжюине. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 183.

⁴ A.N., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87; *Ibid.*, С 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 49.

⁵ A.N., С 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 34.

⁶ A.N., С 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114. Были аргументы и иного порядка. Раньше нужно было много депутатов, чтобы их не мог купить король, писал в Комиссию 70-летний старик. А теперь зачем? A.N., С 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 53.

⁷ A.N., С 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 56.

⁸ *Petitain L.G. La vérité à la commission des Onze.* P., III. P. 25.

⁹ Однако при этом во многих проектах количество депутатов было совершенно произвольным. Так, например, в одном из них (без какой бы то ни было мотивации) предлагается избирать в Сенат 89 человек, а в Законодательный корпус (нижнюю палату) – 166. При этом зачеркнута изначальная цифра 171. A.N., С 232, d.183 bis * 13. Doc. 14. О резонах можно лишь догадываться.

Соответственно, предлагалось по-иному организовать и работу депутатов, прежде всего, перестать отправлять представителей в миссии. В крайнем случае, специально отметить, что они могут вмешиваться в дела местного управления, только имея на это особую санкцию Директории¹ или департаментских властей². Неплохо было бы также обязать депутатов присутствовать за всех заседаниях, лишая жалования за отсутствие без уважительной причины³. Было даже предложение, чтобы неприкосновенность распространялась только на действия законодателей непосредственно во время заседаний⁴. С продолжительностью легислатуры также не было ясности. Если одни считали, что чем дольше депутаты находятся у власти, тем больше шансы, что они будут служить себе, а не народу, и предлагали в качестве средства борьбы с честолюбием и интригами частое обновление Законодательного корпуса⁵, то, например, Ж. Петион, напротив, рекомендовал депутату, избравшемуся четыре раза, вручать медаль, а более шести раз (и сохранившему патриотизм до смерти) воздавать почести, высекая его имя на специальных табличках в Пантеоне⁶.

Активно дебатировались и цензовые вопросы. Вызывал сомнения возрастной ценз – как иронизировал, например, Лезей-Марнезиа, «разделение Законодательного корпуса, основанное на возрасте, кажется тем более странным, что в один день все может измениться. В сорок лет без одного дня можно быть членом только Совета пятисот, а ровно в сорок – Совета старейшин»⁷. Помимо этого, иногда вместо возрастного или имущественного ценза для

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 41.

² A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 42. Естественно, я далек от того, чтобы думать, будто подобные предложения обуславливаются одной лишь заботой об улучшении работы Законодательного корпуса.

³ *Petion J.* Op. cit. P. 19-20; A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 20.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 105.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 28.

⁶ *Petion J.* Op. cit. P. 17. Замечу, что и еще один автор также предлагал использовать Пантеон – на этот раз для того, чтобы там собирались при каждом новом избрании обе палаты и молились Верховному существу. A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

⁷ *Lezay-Marnezia A. de.* Des causes de la révolution... P. 61.

депутатов предлагалось ввести своеобразный «моральный ценз». Так, автор одного из проектов настаивает, чтобы нельзя было избирать «никого с плохой репутацией, известного пьянством или распутством». С его точки зрения нельзя также доверять управление страной банкротам, и тем, кто известен «плохим и жестоким отношением к отцу или матери, жене и даже детям», поскольку они «не признают прав Природы и общества»¹. Другой автор настаивает, чтобы никакие общественные должности не могли занимать «сумасшедшие, безумцы, бешеные, отрешенные от должности, служители какого-либо культа»².

Временами «моральный ценз» выступал, напротив, в роли не ограничений, а требований, предъявляемых к кандидатам. Многие настаивали на том, чтобы кандидат в депутаты Законодательного корпуса в обязательном порядке был женат³ (в крайнем случае, был вдов⁴ или являлся главой семейства⁵). Желательно также, чтобы он был добродетелен⁶, талантлив⁷, образован⁸ (на худой конец, умел читать и писать⁹), отслужил в армии¹⁰.

Отметим, что многие авторы присылаемых в Комиссию писем отнюдь не ставят своей целью изложить подробный и связный проект. Их ремарки нередко касаются отдельных вопросов и проблем, подчас лишены глубины и проработанности. В то же время все эти черты в большей или меньшей степени присутствуют в проектах, принадлежащих перу публицистов и изданных отдельными брошюрами. Поскольку они были известны куда более, чем любительские творения, направлявшиеся в Комиссию одиннадцати,

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 40.

² A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 14.

³ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 67. Тот же автор предлагал, чтобы гражданство утрачивалось, если гражданин после 30 лет не удосужился создать семью.

⁴ См., например: A.N., C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 93.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 7.

⁶ См., например: A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 16.

⁷ См., например: A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 47.

⁸ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 92.

⁹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87.

¹⁰ A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 25.

разберем два из них для того, чтобы посмотреть, как отдельные изменения складывались в стройные системы – иные, нежели у Комиссии одиннадцати.

Автор первого – генерал Дюмурье. В его проекте численность Законодательного корпуса подлежала радикальному сокращению (от департамента избирались только три депутата – один в Совет старейшин и два в Совет пятисот), при этом возрастной ценз для законодателей увеличивался, чтобы о них могли судить «по делам, а не по речам». По его мысли, тогда в Совет старейшин будет избрано 100 человек (и эта палата получит право вето), а в Совет пятисот (разумеется с другим названием) – 200.

Далее, он полагал необходимым, чтобы Советы заседали не более трех месяцев в году, а для того, чтобы Директория не предпринимала ничего противозаконного в оставшуюся часть года, создавался специальный Наблюдательный комитет (*«Comité de Surveillance»*) из 9 человек. Все вопросы в это время должны были решаться через суд; в крайнем случае, под лозунгом «Республика в опасности» объявлялся внеочередной созыв депутатов. Чтобы членов «Наблюдательного комитета» не пытались подкупить, предполагалось наказывать их за бездействие, как за главное преступление¹. Этот проект любопытен не только ярко выраженной психологией одновременно и военного, и революционера (наказанием и надзором можно удержать, по его мнению, от нарушения конституции), но и тем, что он местами перекликался с идеями Сийеса, речь о которых пойдет далее.

Автор другого опубликованного проекта, Л. Лефевюр, предлагал прямые выборы депутатов в две палаты Законодательного корпуса и Исполнительное агентство из трех человек с четким разделением функций (внешняя политика, внутренняя политика, судебные дела). Он полагал, что избирать надо не более 360 депутатов – «трудно избежать, чтобы большее число просто удовлетворялось ролью Законодателя и не начало тиранить или оттеснять Административного агента». Распределение по палатам виделось следующим образом: в палате, где депутаты помоложе, – 1/6, в той,

¹ *Dumouriez Ch.F. De la République. P. 81-82, 88-91, 93-94, 97.*

где постарше, – 5/6, причем обе с правом законодательной инициативы и с правом утверждать законы. Вето, разумеется, у второй палаты¹.

Иными словами, можно сделать вывод о том, что само по себе введение двухпалатной системы и коллегиальной исполнительной власти² не вызвало оживленных дискуссий в обществе – гораздо большее внимание уделялось, собственно, функционированию будущей государственной машины. Набрасывая ее эскизы, многие авторы проектов стремились, в первую очередь, сделать надлежащие выводы из политической практики последних лет. Неограниченная власть Конвента, широкие полномочия депутатов в миссиях – все это приводило к выводу о необходимости создания более уравновешенной и более «медленной» законодательной машины с меньшим числом депутатов³ и меньшей продолжительностью сессий – с надеждой, что в этом случае представители народа станут заниматься своим делом, не покушаясь на прерогативы местной власти и не пытаясь узурпировать центральную.

Рассмотрев проекты, перейдем к дискуссии уже непосредственно в стенах Конвента. Отметим, что принятие законов не первичными собраниями, а Законодательным корпусом особых дебатов не вызвало. Видимо, повлиял и опыт самого Конвента, прекрасно обходившегося без санкции народа.

В то же время крайне принципиальным оказалось для депутатов предложенное Комиссией разделение будущего Законодательного корпуса на две палаты. Совет пятисот, состоящий из более молодых, представлялся при этом, пользуясь словами Буасси д'Англа, как «воображение Республики», Совет старейшин – как «разум»⁴. Как говорил Дону, «в Совете пятисот, составленном из

¹ *Lefebure L.* Plan de Constitution. S. 1., 1795. P. 1, 6, 7.

² Фактически уже существовавшей в Конvente и предусматривавшейся Конституцией 1793 года.

³ Ср. у М. Пертюэ: «Режим Конвента имел два больших недостатка: законодательную процедуру – слишком быструю, чтобы гарантировать размышления, и правительственные комитеты – слишком многочисленные, чтобы не быть соперниками». *Pertué M.* Op. cit. P. 285.

⁴ Отметим, что Тибодо приписывал эту метафору Бодену. *Thibaudeau A.C.* Mémoires... P. 183.

молодых людей, обуреваемых желанием прославиться, будут делать много предложений, часто неосторожных»; в то время как «Совет старейшин, составленный из людей опытных, более мудрых, станет умерять излишний пыл другого совета»¹.

Однако в этом случае вновь вставала проблема народного суверенитета – закрыв глаза на его неотчуждаемость, теперь законодатели посягнули на его неделимость. Ведь как подчеркивал, например, депутат Делейр, «если вы разделите на две части ваш корпус представителей, он своими раздорами разделит и представляемый им народ – на два возраста, или две факции»². Однако и этим опасением решили пренебречь: большинством голосов Конвент утвердил деление на две палаты. Как отмечал впоследствии Байель, «разделение Законодательного корпуса на две палаты было бесценным завоеванием – и по тому, с каким трудом его добились, и по его пользе»³.

И тут же возник новый круг вопросов. Как организовать палаты? Как эффективно выстроить их взаимоотношения?

Во-первых, что делать, если Советы окажутся не согласны друг с другом по поводу какого-либо законопроекта? Проще всего было бы, как предлагал депутат П. Борда (*Bordas*), решить вопрос на совместном заседании, однако, по мнению Комиссии, это крайне опасно: палаты могут надумать объединиться⁴.

Во-вторых, уравнивать Советы в правах или нет? Те, кто выступал за это решение, полагали, что иначе не получится настоящего разделения властей; те, кто высказывался против, ссылались на американский опыт, который казался идеальным: если билль не проходит верхнюю палату, то его возвращают в нижнюю, и так пока обе палаты с ним не согласятся⁵; предлагалось перенять у США даже названия палат. Основным аргументом противников уравнивания палат в правах был следующий: от равенства недалеко и до

¹ *Moniteur*. № 306. P. 1231.

² *Moniteur*. № 305. P. 1228.

³ *Bailleul J.Ch.* Examen critique des considérations de Mme la baronne de Staël. P., 1822. Vol. 2. P. 253.

⁴ *Moniteur*. № 283. P. 1139-1140.

⁵ *Moniteur*. № 304. P. 1224.

соперничества, борьбы, а это приведет к тому, что можно остаться «без законов, без полиции и без правительства»¹.

В-третьих, не слишком ли много власти у Совета старейшин? Ведь, как отмечал депутат Ж. Лаканаль (*Lakanal*), он имеет и решающее слово при принятии законов, и некоторым образом участвует в их исполнении, поскольку может оказывать влияние на Директорию². К тому же ему будет принадлежать и право руководить полицией в городе, где он будет заседать – на этом настаивал, например, Крезе-Латуш, уверяя, что иначе Совет старейшин окажется слишком слаб, тогда как Совет пятисот будет обладать большей популярностью, тем более, что его заседания решено сделать открытыми.

Как и у авторов присылаемых в Конвент проектов в ходе дискуссии немало споров вызвали цензовые вопросы – прежде всего, проблема возрастного ценза законодателей. Депутат Ру не без остроумия заметил по этому поводу: «О палате старейшин говорят, как о палате, в которой будет находиться разум; по мне, так он должен быть повсюду»³.

Было и еще несколько нюансов. Если установить существенно больший возрастной ценз для членов Совета старейшин, возникает опасность избрать людей, мало привязанных к завоеваниям Революции⁴, к тому же опыт оказывал, что возрастное ограничение не принципиально, поскольку во времена столь пугавшей депутатов диктатуры монтаньяров всем «честолюбцам», кроме Сен-Жюста, было более 30 лет (предусматриваемый ценз для Совета пятисот)⁵.

В то же время оказалось, что весьма скромный возраст ряда депутатов закрывает им дорогу в будущие органы власти⁶. В этом случае приходилось лавировать при помощи ряда отсрочек. Так, например, решение о том, что члену Совета пятисот должно быть не

¹ Moniteur. № 304. P. 1226.

² Moniteur. № 304. P. 1224.

³ Moniteur. № 305. P. 1228.

⁴ Moniteur. № 306. P. 1232.

⁵ Moniteur. № 304. P. 1224.

⁶ Прочитую, тем не менее, заявление Гийомара: «Сессия из четырех лет слишком долгая, если судить по нетерпению, которое я испытываю, чтобы не быть больше здесь». Moniteur. № 305. P. 1230.

менее 30 лет решили применять только с VII года (а до того достаточно 25) после единственного выступления Камбасереса со следующими аргументами: сохранение возможности работать в Законодательном корпусе для как можно большего числа преданных людей в интересах Республики, и каждая система управления страдает от трений, обид, которые могут разрушить ее в самом начале; для предотвращения этих потрясений и благополучного испытания новой конституции нужна отсрочка. Кроме того, она даст «возможность нашим братьям по оружию по окончании побед сидеть среди законодателей, и соблюсти интересы еще многих молодых граждан, которые уже столь хорошо послужили Родине»¹.

Однако через несколько дней депутат Пултье поставил вопрос об отмене отсрочки, поскольку «уже распространяется мнение, что эта статья сделана для двух членов Конвента». Тогда же Тибодо потребовал отказа и от одобренной ранее отсрочки для вступления в силу статьи о том, что члены Директории не должны избираться из Законодательного корпуса, заявив: «Эта статья дает повод для клеветы; говорят, что она принята лишь для того, чтобы в Директорию могли войти члены Конвента»².

На это все тот же Камбасерес ответил, что предмет дискуссии слишком незначителен, чтобы стоило тратить на него время: надо думать лишь о Республике. Однако он не опроверг обвинений, неожиданно признав их: «Говорят, что для троих (уже троих! – Д.Б.) членов Конвента – и не ошибаются. Но на каком основании надо лишать возможности служить народу тех, кто его устраивает? Разве эти коллеги не разделяли наши труды и опасности? Не основали вместе с нами Республику? А те, кто придет из армии, – зачем их лишать возможности быть законодателями? Смешно допускать в Директорию *только* членов Конвента, но несправедливо вовсе исключать их всех». Однако внесенное тогда же и поддержанное

¹ Moniteur. № 333. P. 1341.

² Отметим, что, если верить воспоминаниям Тибодо, хотя Ланжюине и выступал с предложением внести эту поправку от имени Комиссии одиннадцати, в Комиссии этот вопрос даже не обсуждался. Далее Тибодо ссылается на личный разговор с Ланжюине, в котором тот заявил, что пошел на этот шаг по настоянию Камбасереса. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 205.

Ланжюине предложение Комиссии одиннадцати о понижении до 25 лет возрастного ценза для министров не прошло, причем аргументом здесь служили сугубо формальные причины: по той же Конституции для простого судьи требовалось достичь возраста в 30 лет. Никакие ссылки Ланжюине на то, что чем моложе, тем энергичнее, не помогли, а Камбасерес на этот раз промолчал, видимо, удовлетворившись достигнутым¹.

Конечно, далеко не все депутаты, желавшие остаться у власти, были уверены, что их переизберут, некоторые метили на директорские и министерские посты, что, безусловно, сказалось при общем голосовании. Однако существовали и веские причины, заставлявшие учесть резкое омоложение кадров во время Революции: бывало, что в двадцать лет уже командовали полками, избирать же сорокапятидесятилетних было, по мнению законодателей, просто опасно – они могли постараться повернуть события вспять.

К тому же давало о себе знать и определенное смещение понятий. Как метко подчеркнул Палмер, «старейшинами» называли сорокалетних². Об этом же писали и современники: «Старики стали детьми, наиболее знающие люди – полными невеждами. А молодые люди, только благодаря тому, что они ничего не знали, оказались наиболее способными. Эта метаморфоза умов была всеобщей»³.

Позволю себе добавить еще несколько штрихов к обсуждению в Конвенте проблемы организации будущего Законодательного корпуса. Решение о ежегодной ротации членов Советов, как ни странно, прошло достаточно спокойно (хотя современники по этому вопросу отнюдь не были единодушны, встречались голоса как «за»⁴, так и «против»⁵). В то же время, немалую роль в принятии Конституции в

¹ *Moniteur*. № 334. P. 1344. В своих мемуарах Тибодо даже называет этих депутатов поименно: Пеньер (29 лет на момент дискуссии), Гамон (28 лет) и, в особенности, Тальен (28 лет). *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 204-205. И действительно, все трое были избраны в Совет пятисот.

² *Palmer R.R. A History of the Modern World*. N.Y., 1978. P. 372.

³ *Montlosier F.D., comte de. Des effets de la Violence et de la Modération dans les affaires de France*. À M. Malouet. L., 1796. P. 6.

⁴ *Lefebure L.* Op. cit. P. 19; *Paine Th.* Op. cit. Vol. 1. P. 595.

⁵ *Norvins J.M. de Montbretton, baron de.* Op. cit. Vol. 1. P., 1832. P. 275; *Meister H.* Op. cit. P. 153.

том виде, в котором она была утверждена, сыграли различные опасения, которые то и дело проскальзывали в речах депутатов. Перечислить их все было бы не реально, однако едва ли не каждый вопрос вызывал желание перестраховаться, не допустить ошибок, не позволить вернуться в прошлое, которое постоянно стояло за плечами законодателей. Не станет ли верхняя палата «рассадником аристократии», своеобразным повторением английской палаты пэров¹? Ответ Буасси д'Англа краток и прост: «Цель английского пэрства – упрочение королевской власти; цель Совета старейшин – помешать ее возвращению». Не стоит ли отказаться от поименного голосования в Совете пятисот? Берлье предлагает все же его сохранить, «чтобы помешать маневрам аристократии»².

Членам Комиссии, особенно Дону, постоянно демонстрировавшему хладнокровие и остроумие, то и дело приходилось подниматься на трибуну, чтобы не позволить разрушить стройность изначального проекта и утопить обсуждение в множестве дополнений и поправок. Приведу только один пример. Обсуждается предложение сделать публичными заседания Совета пятисот. «Надо, чтобы весь мир мог туда прийти», – восклицает «демократически» настроенный депутат. «В таком случае нам пришлось бы заседать в чистом поле»³, – тут же отвечает Дону, закрывая тем самым дискуссию.

Нельзя не обратить внимание и на то, сколь часто аргументы депутатов противоречат сами себе, приводятся в надежде, что оппоненты не заметят отсутствия их внутренней целостности. Так, например, Ларевельер-Лепо, отвечая на замечание о том, что меньшинство (Совет старейшин) будет диктовать свою волю большинству (Совету пятисот) неожиданного утверждает: и в самом деле, меньшинство должно подчиняться большинству, но лишь в политических ассоциациях. Однако Законодательный корпус – лишь инструмент политической ассоциации, а не она сама. А инструмент по желанию ассоциации может действовать как ей

¹ Moniteur. № 305. P. 1228.

² Moniteur. № 308. P. 1240.

³ Ibidem.

угодно¹. В качестве другого примера можно привести вопрос об избрании Директории. После предложений избирать ее напрямую, народом Тибодо, выйдя на трибуну, пытается доказать, что она и будет избрана народом, поскольку тот делегирует Законодательному корпусу еще и избирательные функции². Из чего это следует, можно только гадать.

Теперь рассмотрим, как мыслилась Директория. Среди авторов проектов здесь по-прежнему нет было единства. Более того, многие выдвигали предложения столь экзотические, что их достаточно трудно систематизировать. Попытаемся все же выделить некоторые общие направления.

Прежде всего, мы встречаемся с той же картиной разделения проектов и корреспонденции на две части – до и после 5 мессидора. Многие авторы проектов, поступавших в Комиссию до речи Буасси, так или иначе исходили из того, что исполнительная власть – лишь часть законодательной, как это практически и было с Конвентом и его Комитетами. Однако некоторые все же осознавали, что она должна, тем не менее, иметь какие-то рычаги воздействия на окончательное принятие законов, что порождало самые фантастические проекты и симбиозы. Например, предлагалось поделить Законодательный корпус так, чтобы треть его составляла «секцию верховного исполнения», а две трети «секцию законов». После чего первая, если она считала закон «неконституционным и тираническим», адресовала всем властям и судам следующую прокламацию: «Конституция в опасности, закон от ... кажется тираническим верховной исполнительной власти». После этого все власти (кроме муниципалитетов и мировых судей) должны были высказаться по законопроекту. В случае его неодобрения назначались новые

¹ Moniteur. № 305. P. 1227. Отметим, что для современников в организации работы Советов и в самом деле заключался немалый математический парадокс. Если основываться на Конституции, получалось, что 126 голосов перевешивают 624, о чем говорил, например, депутат Делейр (Ibidem. P. 1228). Расчет делался следующим образом. Если представить себе, что Совет пятисот принял закон единогласно, а в Совете старейшин он не добрал всего одного голоса, то $500+124=624$, тогда как законопроект отвергнут.

² Moniteur. № 313. P. 1260.

выборы¹. Нетрудно себе представить, к чему могла бы привести реализация подобных идей.

На противоположной позиции стояли сторонники предоставления исполнительной власти возможности активно влиять на принятие законов. Естественно, что здесь наиболее действенным инструментом, апробированном к тому же в мировой практике, служило право вето². Однако те авторы, которые рискнули представить его исполнительной власти³, говорили лишь об отлагательном вето. Предложений ввести абсолютное вето в проектах, присланных в Комиссию, мне обнаружить не удалось.

Как следует избирать исполнительную власть? Этот вопрос являлся для авторов проектов едва ли не самым дискуссионным. Тем более что в «правильном» способе избрания современники видели, в первую очередь, заслон на пути интриг и злоупотреблений. Попробуем выделить из общей массы две группы сходных точек зрения.

1. Директорию избирают *выборщики*. При этом варианте исполнительная власть оказывается отделенной от законодательной и ответственна только перед народом, который к тому же сохраняет в своих руках контроль за ее формированием⁴. Для упрощения процедуры выборов можно, например, сформировать Директорию из пяти членов Совета старейшин, набравших наибольшее количество голосов, с тем, чтобы освободившиеся места заняли их заместители⁵.

2. Директорию избирает *Законодательный корпус*. При этом варианте законодательная власть не только избирает исполнительную, но и оказывается практически слитой с ней в единое целое. По мнению авторов подобных проектов, это должно гарантировать

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 32.

² См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 94. И республиканцы, и роялисты, писала в это время мадам де Сталь, одинаково заинтересованы в сильной исполнительной власти, как в защите против анархии. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure // Staël A.L.G. de. Œuvres complètes de madame la baronne de Stael-Holstein. P., 1838. Vol. XIII. P. 53.*

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 25. К ним присоединяется и Лемуар-Ларош. *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 137.

⁴ См., например, A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 54.

⁵ A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 95.

единство действий двух ветвей власти¹. Вследствие доведения этого принципа до полного логического завершения предлагается, чтобы исполнительную власть в принципе осуществляли комитеты ассамблеи – тогда и суверенитет будет неделим².

Очевидно, что эти дебаты были существенно шире обсуждения сугубо технических вопросов – спор шел о том, сделать ли исполнительную власть сильной и независимой или, напротив, ослабить и поставить под контроль законодательной. Однако в соответствии с учениями просветителей, в частности, Монтескье³ и Руссо⁴, наиболее быстрая, сильная и эффективная – это власть одного человека. В проектах таких предложений немало⁵. «Ваша честная душа отвергает эти пагубные предположения, – призывает один из корреспондентов Комиссии, обращаясь к Буасси д'Англа, – но опыт прошлого не должен пройти даром»⁶. «Не останавливайтесь перед призраками»⁷, – добавляет другой, отдавая себе отчет в том, что единоличная власть неизбежно будет ассоциироваться у современников с монархией.

И в самом деле – предложения доверить исполнительную власть одному человеку практически уравниваются размышлениями тех, кто считает, что президент (как большинство именует единого главу государства) представляет неминуемую опасность для республики. Если бы Робеспьер стал президентом Конвента, республики бы больше не было, пишет один⁸. Президент легко может

¹ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 77.

² A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 20.

³ См., например: «О духе законов». V, X.

⁴ См., например: «Об общественном договоре». III, VI.

⁵ См., например: Bulletin républicain. N° 283. 13 messidor (1.07.95.). P. 1130; A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 18; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 73; Ibid., C 232, d.183 bis * 14. Doc. 14. Иногда предлагалось и полное копирование американской модели, включая пост президента. A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 70.

⁶ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 7. 12 messidor de l'an III.

⁷ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 86.

⁸ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 87. Правда, не совсем понятно, что здесь имеется в виду, поскольку «président» означает по-французски не только «президента», но и «председателя», а им-то как раз Робеспьер был (в частности, председателем Конвента). Скорее всего, корреспондент Комиссии просто имеет в виду «если бы он был президентом республики».

стать пожизненным, а то и королем, предостерегает другой¹. Третий специально подчеркивает, что правительство должно быть республиканским и не попадать в руки одного².

Соответственно, нет согласия и по количеству членов исполнительной власти. Называются цифры в 2, 6, 8, 9, 10, 18 и т.д. человек, а рекорд принадлежит депутату Конвета Ж.К. Шатлену (*Chastellain*) – 405³! Разделение обязанностей среди этих людей также вызывало споры, однако многие публицисты и авторы проектов выступали за то, чтобы эти обязанности были четко определены⁴. При этом ряд авторов не выделял судебную власть в самостоятельную, мысля ее подчиненной исполнительной, так как она, в некотором роде, следит за исполнением законов⁵.

Поскольку проект Конституции III года Республики предполагал возвращение к цензовой системе выборов, этот круг вопросов не мог не возникнуть и в связи с исполнительной властью. По отношению к членам Директории цензов предлагалось сразу три: имущественный⁶, оседлости⁷ и возрастной (колеблющийся в пределах от 30⁸ до 50⁹ лет).

Небезынтересным кажется также бегло посмотреть, по каким вопросам разделялись мнения внутри самой Комиссии. Высказывалось предложение, чтобы Совет старейшин составлял список

¹ Анонимное письмо. *La Sentinelle*. № XII. 17 messidor (5.07.95). P. 47; № XIII. 18 messidor (6.07.95.). P. 50-51.

² A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 41.

³ *Chastellain J.Cl.* Pacte social, combiné sur l'intérêt physique, politique et moral de la Nation française et autres nations, peuples et puissances de l'Europe. P., III. P. 113.

⁴ *Dupont de Nemours P.S.* Observations sur la constitution... P. 35; *Poultier F.M.* Organisation du gouvernement de la République française, propre avant et après l'établissement de la Constitution démocratique. Imprimée par l'ordre de la Convention Nationale. P., III. P. 5-7; Constitution de gouvernement pour la nation française. Par Louis Lefebure, membre du Conseil général de la Commune de Paris, aux années 1789, 1790, 1791 & 1792. A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 80; *Ibid.*, C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 100, 117; *Ibid.*, C 232, d.183 bis * 13. Doc. 9.

⁵ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 80. P. 5.

⁶ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 90.

⁷ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 14.

⁸ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 112.

⁹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 25.

кандидатов, а Совет пятисот его утверждал¹, одни считали, что Директорам должно быть не менее 35 лет², другие – что не менее 40³, приводились разнообразные цифры в отношении того, какую же надо Директории предоставить охрану.

Первый вопрос, возникший во время дискуссии в Конвенте, был тот же, что и у авторов проектов: как следует избирать Директорию? Вопрос не такой уж простой, если учесть, что теоретики настаивали: полное и подлинное разделение властей возможно лишь в том случае, когда исполнительная власть полностью отделена от законодательной. То есть, естественно, не только не избирается ей, но и неподсудна⁴.

Разнообразие мнений, прозвучавших с трибуны Конвента, здесь было даже большим, чем в переписке Комиссии. Так, например, Ж. Эшассерью-старший (*Eschassériaux aîné*) предложил чтобы собрания выборщиков называли 86 человек, из них Совет пятисот оставлял 25, а Совет старейшин – четырех⁵. В ответ на это Тибодо привел следующий аргумент: поскольку Законодательный корпус уже будет избран народом, зачем же его лишать одной из принадлежащих ему функций (как будто эти функции не определялись той же самой конституцией). Майль также заявил, что прямое участие народа в избрании Директории нежелательно, поскольку в таком случае Директория будет в большей степени представлять народ, чем Законодательный корпус: ведь каждый депутат избирается только одним департаментом, Директория же – всеми.

Дюбуа-Крансе, скорее всего, не ведая об этом, повторил предложение из переписки Комиссии избирать столько членов

¹ A.N., С 232, d.183 bis * 15A. Doc. 24.

² A.N., С 232, d.183 bis * 15A. Doc. 8; Ibid., d.183 bis * 15B. Doc. 37; Ibid., d.183 bis * 15C. Doc. 68, 69.

³ A.N., С 232, d.183 bis * 15B. Doc. 38.

⁴ Был и другой аспект, о котором упомянул Лувэ в одной из частных бумаг: опасались, что если доверить избрание исполнительной власти народу, то тот может вообще избрать Бурбонов (*Madelin L. Op.cit. Vol. 4. P. 226*). Трудно сказать, насколько такая опасность была реальна, скорее, показательное свидетельство того, что законодатели заранее пытались ограничить выбор народа-суверена.

⁵ Moniteur. № 312. P. 1258.

Директории, сколько будет направлений работы – эта идея не понравилась, нашли аналогию с министрами при Старом порядке, к тому же решили, что не будет коллективной ответственности, которую посчитали необходимой.

Ф.Ж. Сен-Мартену (*Saint-Martin*) показалось более логичным обратное движение избирательного списка по сравнению с проектом Эшассерью-старшего: Совет пятисот называет 40 человек, Совет старейшин – 15, а окончательное решение принимают собрания выборщиков. Ж.Ж.В. Женисье (*Genissieu*) предложил, чтобы Советы пятисот и старейшин назначали соответственно двух и трех членов Директории; Ланжюине – чтобы их выбирал Совет пятисот из списка Совета старейшин; Виллетар – на совместном заседании двух Советов, и так до бесконечности, пока Майль не высказал неожиданную мысль: поскольку согласия нет, пусть все останется как в проекте Комиссии одиннадцати – выбирает Совет старейшин из списка, предоставляемого Советом пятисот – это решение и утвердили¹.

В этом хоре голосов обращает на себя внимание выступление депутата Ф. Гийемарде (*Guillemardet*). Но не каким-либо еще более оригинальным способом избрания Директории, а опасением, что Совет пятисот всегда сможет составить список из тех пяти человек, которые он пожелает провести в члены Директории, разбавив его необходимым количеством ничтожеств². Тогда эта ремарка прошла абсолютно незамеченной, но сегодня ее интересно сопоставить с рассказом Матъеза, о том, как на самом деле готовились выборы первых пяти директоров. По его словам, узкий круг приглашенных собрался у Виллетара, и «решили составить список из 45 имен, совершенно неизвестных земледельцев, мэров, администраторов дистриктов, мировых судей», включив в него пять депутатов Конвента³.

Отметим и еще одно предложение, хотя о его существовании известно лишь из мемуаров Тибодо. По его словам, Дону, Лувэ, Сийес и Камбасерес выступали за то, чтобы первый состав Директории был избран самим Конвентом, не дожидаясь выборов в новые

¹ *Moniteur*. № 313, p.1260-1263.

² *Moniteur*. № 313. P. 1262.

³ *Mathiez A. Le personnel gouvernemental du Directoire*. P. 386.

органы власти (а Ланжоине, Лесаж, Буасси д'Англа и Ларевельер-Лепо якобы были против)¹. Признаться подобное свидетельство кажется мне весьма сомнительным, особенно в том, что касается названных персоналий (в частности, маловероятно, чтобы и Дону, и Сийес призывали бы пойти на столь грубое нарушение еще не принятой конституции). Однако полностью сбросить его со счетов я бы все же не решился.

В то же время, представляется небезынтересным посмотреть, кого же прочили на будущие директорские посты. Вариантов было множество: Буасси д'Англа, Камбасерес, Л.Г. Дульсе де Понтекулан (*Doulcet de Pontécoulant*), Лувэ и Ланжоине²; Сийес, Камбасерес, Монтестью (*Montesquiou*)³, Редерер, Буасси, Лесаж (из Эр-и-Луара), Рошамбо (*Rochambeau*)⁴, Семонвиль (*Sémonville*)⁵ и Бартеlemi⁶ (*Barthélemy*)⁷; Сийес, Крезе-Латуш, Камбасерес, Трейар (*Treilhard*)⁸,

¹ *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 206.

² *Annales de la République française.* № 288. 22 messidor (10.07.95.). Любопытно, что точно такой же список приводит Пелтье неделю спустя. *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 440.

³ Предположительно имеется в виду Монтестью-Фезенсак Анн Пьер, маркиз де – маршал (1780), член Французской академии (1784), депутат от дворянства в Генеральных штатах, бывший среди первых, кто решил присоединиться к третьему сословию. Командовал одной из армий (1792), затем в эмиграции в Швейцарии. Вернулся во Францию в июле 1795 года.

⁴ Рошамбо Жан-Батист Донатьен де Вимеур, маркиз де – герой Войны за независимость США, участвовал в работе ассамблеи нотаблей 1787 года, маршал Франции (1791). В 1793 году арестован, вышел на свободу после Термидора.

⁵ Семонвиль Шарль Луи Юге, маркиз де – советник Парижского парламента, заместитель депутата Генеральных штатов, дипломат. Во время одной из миссий попал в руки австрийцев, обменян (в числе прочих) на сестру Людовика XVII.

⁶ Существовало два Бартеlemi, о которых здесь могла идти речь. Первый – Жан-Андре Бартеlemi – адвокат, депутат Конвента, а впоследствии и Совета пятисот. Однако, скорее всего, имелся в виду Балтазар Франсуа Бартеlemi – дипломат, послан в ряде стран, заключивший мир с Пруссией и Испанией в Базеле (1795). В июне 1797 года действительно был избран в Директорию.

⁷ *Le Censeur des journaux.* № 30. 26.09.95 (5 vendémiaire).

⁸ Трейар Жан Батист – адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, депутат Конвента, впоследствии Совета пятисот. 15 мая 1798 года избран членом Директории.

Лувэ, Мерлен (из Дуэ), Ларевельер-Лепо и Баррас¹; Буасси д'Англа, Дюпон де Немур, Камбасерес, Мерлен (из Дуэ), Пишегрю². В этих списках интересными кажутся две вещи. С одной стороны, из состава Директории 1795 года не «угадали» никого, кроме Барраса и Сийеса³, с другой – очень часто называются имена членов Комиссии одиннадцати.

Как известно, ввести институт президентской власти Конвент не рискнул⁴. Вспомним процитированное ранее письмо Бодена от 3 термидора III года – резкость, с которой он говорит об идее поставить во главе исполнительной власти одного человека, весьма показательна (хотя, если верить воспоминаниям Тибодо, в Комиссии с подобным предложением выступали Лесаж, Ланжюине и Дюран-Майян⁵). Были депутаты, искренне убежденные, что во Франции между Президентом и Королем можно будет поставить знак равенства. Вот как говорил об этом, например, Ларевельер-Лепо еще 24 мессидора (12 июля): «Вам не осмеливаются сказать о короле, но говорят о президенте; они хотят его видеть независимым, иными словами, неприкосновенным...»⁶. И даже о пяти Директорах один из роялистов впоследствии написал: «Было нетрудно почувствовать, что почтение, оказанное монархии этой концентрацией власти, слишком вызывало в памяти воспоминания и сожаления о старой форме правления»⁷.

Замечу, что для подобных опасений были свои основания: поставить одного человека во главе правительства часто требовали за пределами Конвента конституционные монархисты. Пелтье в

¹ Le Censeur des journaux. № 58. 23.10.95 (2 brumaire).

² АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 93. Л. 96об.

³ Кроме них в состав первой Директории вошли Э.Ф. Летурнер (*Letourneur*), Ж.Ф. Ребель (*Reubell*) и Ларевельер-Лепо. Сийес отказался от поста Директора и на его место был избран Карно.

⁴ Moniteur. № 283. Р. 1140.

⁵ В соответствии с тем же источником, сам Боден вместе с Дону был за то, чтобы вручить исполнительную власть двум консулам. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* Р. 183.

⁶ Moniteur. № 299. Р. 1204.

⁷ *Lavalette A.M., comte de. Mémoires et souvenirs du comte Lavalette.* Р., 1905. Р. 142.

принципе считает, что дискуссия по вопросу об организации исполнительной власти длилась так долго «из-за беспокойства, что назовут пять новых королей Франции»¹. Граф де Воблан, написавший «Размышления об основах Конституции», поддержанные Фрероном и заинтересовавшие Бодена, вспоминал в мемуарах, что он не требовал восстановления монархии, но «требовал две палаты и единого человека во главе правительства. Это было много для того времени, когда безумные революционеры еще сохраняли свою власть над многими умами, и в особенности над большинством Конвента»². Генерал Дюмурье также настаивал на том, что надо бы «переплести в одну книгу пять томов Директории»³. Когда же роялисты убедились, что им не удалось добиться своего, они, по воспоминаниям одного из депутатов Конвента, сохранили оптимизм, довольствуясь тем, что «предвидели, что пять человек, составляющих исполнительную власть, уступят вскоре высшую власть одному»⁴.

Весьма характерен в этом плане исторический анекдот, который рассказывает в своих мемуарах граф д'Аллонвиль. Получив парижские газеты, брат его жены шевалье де Барберен, «человек образованный и человек чести», надолго задумался и отправился на прогулку в сад. А на удивленный вопрос графа, что случилось, ответил: «Я не знаю, сам ли это подумал или под божественным влиянием, но я был совершенно потрясен докладом Буасси д'Англа; когда я его читал, мне даже показалось, что я слышу голос свыше, говорящий: “Это предложение организовать правительство из пяти высших магистратов будет принято”»⁵.

Вообще же, если судить по дискуссии в Конвенте, могло создаться впечатление, что депутаты обсуждали не проект организации исполнительной власти в стране, а планы, как обуздать джина, которого сами же собирались выпустить из бутылки. Не случайно, начиная дебаты по той части проекта, которая касалась Директории,

¹ *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 440.

² *Vaublanc V.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 365-367.

³ *Dumouriez Ch.F.* De la République. P. 65.

⁴ *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 207.

⁵ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 3. P. 345.

Тибодо говорил: «Начнем с того, чтобы не видеть в исполнительной власти монстра, всегда готового пожрать свободу; я сказал бы даже тем, кто так считает: “Не создавайте ее вовсе”, если бы не боялся, что меня поймают на слове»¹.

Вновь и вновь сказывались слишком свежие воспоминания о Великих комитетах, а, возможно, и о монархии, вступившей в сговор с интервентами. Предоставлять Директории право вести переговоры и подписывать договоры с другими державами – опасно (Эшассерье-старший), да и вообще опасно предоставлять Директории какие-либо права: а вдруг, без тени иронии предполагает Л. Таво (*Taveau*), ее привлекут на свою сторону зарубежные державы, чтобы вторгнуться в пределы Франции – что делать тогда? (Его успокоил Ларевельер-Лепо: у Франции слишком большая территория, так что ничего страшного не случится²). Даже по поводу того, имеет ли право Директория сначала объявить войну, а потом поставить об этом в известность Законодательный корпус, разгорелись споры. И если бы не вмешательство Тибодо, напомнимшего, что армия и налоги все равно остаются в руках у законодателей, в конституции могло бы быть записано, что война объявляется только после дискуссии в Советах³. А когда Эрман, ссылаясь на опыт США и мотивируя тем, что только Директория будет реально представлять себе положение дел в стране, предложил наделить её правом возвращать в Совет пятисот те законы, которые она сочтет неисполнимыми, то несмотря на поддержку Ланжюине и Дону, поправка была провалена под крики: «Это вето! Это король!»⁴.

¹ Moniteur. № 311. P. 1253.

² Moniteur. № 318. P. 1279-1281.

³ Moniteur. № 317. P. 1278.

⁴ Moniteur. № 335, P. 1348. «Вето для пересмотра законов (*le veto réviseur*), – писала мадам де Сталь, – произвело в Конvente тот же эффект, что и предложение двух палат, сделанное г-ном де Лалли в Учредительном собрании. Шесть лет бедствий заставили принять последнюю идею. Неужели лишь той же ценой исполнительная власть приобретет необходимую силу для управления и, следовательно, для сохранения республики?». При этом она считала, что абсолютное вето в республике неприменимо, да и в Англии это скорее декорация, чем реальность. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure*. P. 51.

Естественно, что в такой атмосфере вопрос Лаканала, соответствует ли столь немощная исполнительная власть нации в 26 миллионов¹, равно как и ремарка Сен-Мартена о том, что она оказывается полностью подчинена законодательной («законодательный корпус ее назначает, законодательный корпус ее разоблачает, законодательный корпус ее обвиняет; и если одному из ее членов надо отлучиться на денек от места расположения Директории, надо, чтобы он преклонял колена перед законодательным корпусом, чтобы получить его согласие»²), остались без ответа.

О том, что в итоге получилось из всех этих предосторожностей, прекрасно написал в свое время Э. Кинэ: «Тщетна всякая человеческая предусмотрительность подобного рода, если обычаи не утверждают ее. Никто не предчувствовал тогда, что единственно, чего добьются от этих двух собраний, это что одно из них продаст другое, и что из пяти директоров трое продадут Директорию. И та предосторожность, которую предпринимали для спасения себя, должна была послужить им гибелью»³.

Следует сказать, что в вопросе о том, сильна или слаба была Директория, мнения в историографии отнюдь не едины. Среди современников, вероятно, в русле тех же тенденций, что превалировали в Конвенте в ходе обсуждения, существовало мнение о том, что Директория не была обделена полномочиями. «Создатели конституции, – отмечал Бартелеми, один из будущих Директоров, – вручили большой объем власти Исполнительной Директории, не сомневаясь, что они и будут избраны, чтобы этой властью пользоваться»⁴. С ним согласен и Тэллиандье, с горечью отмечавший, что «в 1789 году на первом месте была нация, в 1795 – правительство»⁵.

В то же время, как среди очевидцев событий, так и в позднейшей историографии преобладает мнение о том, что у Директории

¹ Moniteur. № 312. P. 1257.

² Moniteur. № 313. P. 1261.

³ Кинэ Э. Революция и критика ее. М., 1908. С. 183.

⁴ *Barthélemy F. Mémoires de Barthélemy*. Montpellier, 1914. P. 141.

⁵ *Taillandier A.L. Lettres à mon fils sur les causes, la marche et les effets de la Révolution française*. P., 1820. P. 413.

было недостаточно полномочий¹. Как писал М. Лайонс, «исполнительная власть была фатально и умышленно ослаблена»².

Но еще большее количество современников мыслили в иной плоскости. Не «много – мало», а «хорошо – плохо». И они опасались, что управление республикой по этой Конституции было организовано плохо. Одни осуждали дополнительное разделение власти между Директорией и министрами и были уверены, что нельзя допустить, чтобы Законодательный корпус обвинял Директоров³, другие в принципе расценивали план организации исполнительной власти, как «неправильный и противоречащий мудрым взглядам, продиктовавшим остальную часть проекта»⁴; третьи не сомневались, что Совет старейшин в результате оказался сведен к «агентству по рассылке законов»⁵; четвертые, напротив, тревожились, что у него слишком много власти – и надзор за чиновниками, и право приостановить заседания Совета пятисот⁶.

Одним словом, недочеты видели едва ли не в каждой статье Конституции. Как восклицал А. Лезей де Марнезия в статье с характерным названием «Что такое Конституция 1795 года?»: «Король каждые три месяца⁷! Исполнительная власть из пяти человек или, лучше сказать, две исполнительные власти вместо одной! Ответственные Агенты и их Директор также ответственен! Общая ответственность и без вето! Буасси считает, что исполнительная власть должна быть сложной (*complex*), я же считаю, что она должна быть единой»⁸.

¹ *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 237; *Hyde de Neuville J.G.* Op. cit. Vol. 1. P. 128; *Dumouriez Ch.F.* De la République. P. 69; *Staël A.L.G. de.* Considerations... P. 319; *Journal de Paris.* 1 thermidor (19.VII.95). Vol. 2. P. 1216; *Sciout L.* Le Directoire. Montpellier, 1895. Vol. 1. P. 308-309.

² *Lyons M.* Op. cit. P. 19.

³ *Dumouriez Ch.F.* De la République. P. 111, 113.

⁴ *Journal de Paris.* 19 messidor (7.VII.95). Vol. 2. P. 1167.

⁵ A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

⁶ *Observations sur le droit de cité...* P. 26.

⁷ Ср. у Г. Бабефа: «По этой конституции у вас нет одного короля, у вас их пять». «Второе обращение к inferнальной армии и санкюлотам Аппаса», 18 фрюктидора III года (4 сентября 1795 года). *Бабеф Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 421.

⁸ Цит. по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 2. № 16. 19.IX.95. P. 508-509.

Однако эта кажущаяся сложность предложенной Комиссией системы организации властей и их взаимоотношений во многом обуславливалась стремлением большинства депутатов организовать реальное разделение властей, под которым понималось не только разделение на законодательную, исполнительную и судебную власти, но и разделение самого законодательного корпуса на две палаты. Характерно, что относительно необходимости разделения властей в принципе (если не брать проблему разделения функций внутри той или иной ветви власти) разногласий практически не отмечается, оно напрямую ассоциируется у депутатов со свободой. Как говорил Тибодо, «свободу составляет лишь разделение властей, их независимость»¹.

В стенах Конвента полнее всего теоретическую необходимость разделения властей обосновывал Сийес. «Одно единство означает деспотизм, одно разделение – анархию, – говорил он. – Разделение, совмещенное с единством дает социальные гарантии, без которых всякая свобода непрочно». «Я знаю лишь две системы разделения властей, – продолжал философ, – систему равновесия (*l'équilibre*) и систему состязательную (*le concours*), или, говоря иными словами, систему противовесов и систему организованного единства».

При этом две палаты, даже если одной предоставлено право вето – это все равно система «единого действия», это деспотизм (поскольку обе палаты принадлежат к власти законодательной). Однако именно так работает система противовесов – например, в Англии, где, по мнению Сийеса, не создается реального равновесия. Публицисты, отмечает он, часто путают «единство действия» и «единое действие». «Мы хотим первого, они устанавливают второе». У строящих дом рабочих налицо единство действия, но отнюдь не единое действие – соответственно, эти понятия необходимо четко различать.

Вторая система – не давать несколько голов одному телу, а разделить их, снабдив к тому же правом вето. Это состязательная система. «В системе равновесия, – отмечал Сийес, – учреждают

¹ *Thibaudeau A.C. Opinion de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le jury constitutionnel. P., III. P. 2.*

постоянную гражданскую войну между народным представительством и исполнительной властью»¹.

Как мы видим, в соответствии с теориями Сийеса, проект Комиссии не учреждал реального разделения властей, поскольку вся власть находилась в руках Законодательного корпуса, а наличие у него «нескольких голов» реально ничего не меняло. Вместе с тем, для депутатов эти построения были слишком отвлеченными и абстрактными. Они считали, что достаточно не предоставлять Законодательному корпусу исполнительной власти, и разделение властей будет реализовано. Безусловно, на эту решимость повлиял и опыт последних лет, когда Конвент не имел реального противовеса². Было и подходящее теоретическое объяснение: поскольку нация слишком велика, она делегирует часть своей власти представителям, которые разделены на две части – принимающие законы и исполняющие их³.

Однако, как правило, историки (в том числе и историки права)⁴ не отказывают Конституции III года в том, что этот принцип был в ней реализован. Более того, они полагают, что он был доведен до своего логического завершения, если не до абсурда. И в самом деле, Законодательный корпус не мог никоим образом вмешиваться в работу Директории, требуя от нее лишь ежегодный финансовый отчет, а Директория, в свою очередь, практически не имела возможности повлиять на составление законов. Все было сделано, чтобы разграничить обязанности двух ветвей власти; помимо этого, они могли сноситься друг с другом только посредством специальных государственных посланников. Отметим, что подобные оценки берут свое начало уже в XVIII веке, в том числе, например, у Ж. Неккера⁵.

¹ *Sieyès E.J.* Opinion de Sieyès sur plusieurs articles des titres IV et V du projet de constitution, prononcée à la Convention le 2 thermidor de l'an troisième de la République. P. , III.

² Ср. с приходившими в Комиссию письмами: A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 34; *Ibid.*, d.183 bis * 3/2. Doc. 55.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 36.

⁴ *Sautel G.* Op. cit. P., 1990. P. 249-250; *Homan Gerlof D.* Jean-François Reubell. French Revolutionary, patriot, and director (1747-1807). Hague, 1971. P. 100; *Szramkiewicz R., Bouineau J.* Op. cit. P. 138-141.

⁵ *Necker J.* Examen de la constitution de l'an III, extrait du dernier. P., VIII. P. 5.

В то же время существует и иная точка зрения, высказанная профессором права Мишелем Тропером. Он отмечает, что в конституционной традиции, известной XVIII веку, существовало два способа взаимодействия властей между собой. Один, – «равновесие властей» – не предусматривал жесткую специализацию, предоставляя исполнительной власти ее главное оружие: право вето. Таким образом, исполнительная власть в некотором роде становилась частью законодательной, поскольку приобретала право влиять на составление законов. Эти идеи защищал Монтескье в VI главе XI книги «Духа законов»; по этому принципу были построены конституция Массачусетса и государственное устройство Англии.

Второй способ, – «абсолютное разделение властей» – исходил из того, что их функции необходимо резко разграничить, установив при этом четкую иерархию, подчинение исполнительной власти законодательной. С того момента, как исполнительная власть оказывалась полностью отстраненной от составления и принятия законов (и, как следствие, лишена права вето), она становилась лишь простым орудием законодательной. За это выступал Руссо, эти идеи восприняли конституции Пенсильвании и Франции в 1793 году.

Нетрудно заметить, что Конституция III года соответствует второму способу взаимодействия властей. Директория не просто избирается Советами – она полностью зависит от них, поскольку ее члены в любой момент могут быть обвинены с достаточно расплывчатой формулировкой: за действия, направленные на свержение конституции. Это подразумевало, что Директория становится простым исполнителем не только принятых законов, но и политической воли законодателей. Вместе с тем она оказывается лишенной права вето, законодательной инициативы, права ратификации мирных договоров, не может выносить суждение о легитимности выборов, не назначает высших финансовых должностных лиц республики.

Что же тогда подразумевалось под разделением властей? Тропер отвечает и на этот вопрос. По его мнению, с точки зрения термидорианцев, как и в 1789 году, разделить власти означало не допустить их сосредоточения в одних руках, не допустить деспотизма. Более того, разговоры о необходимости создания сильной исполнительной власти также укладываются в эту концепцию.

Сильной, но не по отношению к законодательной, а по отношению к администрации, отданной под ее начало. В качестве итогового вывода Тропер объявляет ложным тезис о том, что в конституцию не был заложен способ разрешения конфликтов между властями, что привело к невозможности для системы функционировать без постоянных переворотов – в иерархической структуре по определению один приказывает, а другой подчиняется¹.

Анализ дискуссии не позволяет ответить на вопрос, в какой мере депутаты, за исключением разве что Сийеса, отдавали себе в этом отчет. Скорее, мне представляется верным обратное: большинство из них искренне хотело добиться разделения властей, воспринимая эту формулу как некое магическое словосочетание, способное уберечь от многих бед, однако они плохо представляли себе, что же это такое на самом деле. Что и привело в итоге к построению системы, внутреннюю логику которой безупречно описывает М. Тропер.

Проблема разделения властей была стержневой и для особого проекта, внесенного Сийесом 2 термидора (20 июля) прямо в середине дискуссии, когда половина конституции была уже утверждена в первом чтении².

Обращает на себя внимание то, что Ларевельер-Лепо в своих мемуарах утверждал, будто Комиссия ничего не знала о проекте вплоть до вечера 2 термидора, когда Сийес потребовал, чтобы его предложения были представлены Ассамблее от ее имени. Биограф Сийеса Ж.Д. Бреден объясняет это следующим образом: Сийес был «человеком последнего момента, способный перед тем, как взять слово, разорвать свои бумаги и переписать их», то есть, возможно, Комиссии и было что-то показано³, но это сильно отличалось от

¹ *Troper M. La séparation des pouvoirs et l'histoire constitutionnelle française. P., 1980. P. 192 et suiv.; Idem. La séparation des pouvoirs dans la constitution de l'an III. A paraître.*

² Лучше понять этот проект позволяет недавняя публикация многих бумаг из архивов Сийеса: *Des manuscrits de Sieyès. 1773-1799. P., 1999. P. 464 et suiv.*

³ В этом плане совершенно не понятно, а на чем основывается один из американских биографов Сийеса, полагая, что его план был обсужден в Коиссии одиннадцати. *Дейсен Ван Г. Дж. Сийес: его жизнь и его национализм // Аббат Сийес. От Бурбонов к Бонапарту. Спб., 2003. С. 68.*

реального текста выступления¹. Наряду с этим П. Бастид отмечает, что, с одной стороны, Комиссия одиннадцати недолюбливала Сийеса², из-за чего он и решил выступить прямо перед депутатами, а с другой, – Сийес был настолько занят в Комитете общественного спасения, что только с 15 мессидора (3 июля) смог начать работать над Конституцией – именно поэтому к началу термидора его проект был еще не совсем готов³.

Концепция Сийеса предусматривала принципиально иную организацию власти в республике – создание четырех корпусов народных представителей: Трибуната (прямая параллель с Трибуналом Руссо), в котором должно быть в три раза больше депутатов, чем в департаментских, – с правом предлагать законы; правительства – 7 человек, исполняющих и предлагающих законы; законодательного корпуса (*législature*) – для голосования по законам, с численностью в 9 раз большей, нежели в департаментах, и конституционного суда, составляющего 3/20 законодательного корпуса⁴. Попутно он подверг резкой критике проект Комиссии, отмечая, что тот не в состоянии обеспечить «социальный порядок»⁵.

Тибодо от имени Комиссии холодно поблагодарил оратора и посетовал, что Сийес не поделился своими идеями раньше⁶,

¹ *Bredin J.D.* Op. cit. P. 360.

² Ср. у А. Нетона: Сийес отказался сотрудничать с Комиссией одиннадцати, так как «для него у Конвента не было более достаточно энергии, его престиж не был более достаточно высок, его голос не был более достаточно слышим». *Neton A. Sieyès (1748-1836)*. P., 1901. P. 253.

³ *Bastid P.* Op. cit. P. 170-171. Однако Ларевельер-Лепо в своих мемуарах недвусмысленно отмечает, что со стороны Комиссии были сделаны вполне конкретные и неоднократные шаги к сотрудничеству, которое Сийес холодно отверг, не поставив в известность о своем плане не только Комиссию, но и Конвент, поскольку после составления базового проекта всем депутатам было предложено представить также и свои, если таковы имеются. *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 229-230, 239-240.

⁴ Любопытно, что в начале Сийес употреблял термин «la Jurie constitutionnaire», отказываясь от английского слова «Jury», но уже 18 термидора он говорит «le Jury constitutionnaire», употребив старый вариант лишь два раза.

⁵ *Sieyès E.J. Opinion de Sieyès... P., III.*

⁶ В своих воспоминаниях Тибодо отмечает, что Сийесу предлагалось участвовать в работе Комиссии и не будучи ее членом, однако тот отказался. *Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 186.*

поскольку они весьма интересны. Однако, заявил Тибодо, все это весьма похоже на уже обсуждающийся проект¹: Трибуна́т – Совет пятисот, Законодательный корпус – Совет старейшин, нет Конституционного суда, но Директории и так предписано не исполнять законы, противоречащие конституции. Отличие лишь в том, что Конвент не предоставил исполнительной власти права законодательной инициативы. Однако лучше бы ей такого права и не предоставлять, так как именно от нее исходит наибольшая опасность узурпации, поскольку она действует постоянно. К тому же никто не мешает ей высказывать свое мнение о законопроектах. В заключение Тибодо предложил отправить проект Сийеса в Комиссию одиннадцати и получил на это согласие Конвента².

Чрезвычайно интересно, что в несколько сомнительных с точки зрения аутентичности мемуарах одного из членов комиссии, Дюран-Майяна, сказано, что именно ему и принадлежала первоначально мысль о необходимости учреждения конституционного суда, но, «предложив этот институт, я больше этим не занимался. Может быть, эта идея пользовалась бы большим успехом в Комиссии, чем в Конвенте, где ее представлял и поддерживал г-н Сийес»³. Однако никакие другие мемуары с которыми мне довелось работать, это свидетельство не подтверждают, а из всех историков оно заинтересовало, насколько мне известно, только А. Олара⁴. Более того, из членов Комиссии идеи Сийеса не пришлось по душе не только Тибодо: Ларевельер-Лепо в своих воспоминаниях также дает им весьма недвусмысленную отрицательную оценку⁵.

Однако Сийес на этом не успокоился. 18 термидора он развивает и поясняет свою мысль, особенно заостряя внимание на конституционном суде, мысля его как 1) кассационный суд в конституционном порядке; 2) место, где будут вырабатываться требуемые

¹ Замечу, что, говоря об этом эпизоде, биограф Сийеса Бастид специально подчеркивает принципиальное различие проектов Сийеса и Комиссии. *Bastid P.* Op. cit. P. 170.

² *Moniteur.* № 308. P. 1239.

³ *Durand de Maillane P.T.S.* Op. cit. P. 275.

⁴ *Aulard A.* La Constitution de l'an III... P. 119.

⁵ *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 243-244.

дополнения к конституции; 3) дополнение в виде естественного законодательства к существующему позитивному. Предполагалось, что каждые 10 лет суд будет публиковать за три месяца до созыва первичных собраний свой проект улучшения Конституции, а народ станет решать, хочет ли он делегировать Законодательному корпусу право ее изменить. Помимо этого, каждый год 1/10 членов суда должна была формировать особый «суд естественной справедливости», в задачу которого входило рассмотрение всех обращений отдельных граждан. Конституционному суду также предоставлялось право аннулировать любые государственные акты. Свое второе выступление Сийес мотивировал тем, что Комиссия одобрила его проект (!), что и подвигло его изложить дополнительные соображения¹.

Первое, что бросается в глаза при чтении этих выступлений Сийеса – усложнение структуры по сравнению с проектом Комиссии, изложенное к тому же не самым простым и доступным языком, что не могло не повлиять на отношение к его предложениям. Как отмечал один из биографов депутата, «плохо понятый проект Сийеса был плохо принят»². Аналогичные высказывания можно встретить и у современников: «Г-н Сийес пишет книги на языке Сивиллы. С помощью трех или четырех невнятных (*tudesque*) слов он создает целую науку; по правде говоря, его книг не понимают, а его книгопродавец выступает в роли *драгомана*, чтобы подстегнуть желание их купить»³.

После выступления началась широкая дискуссия, да и позднее отзвуки идей Сийеса не раз звучали в речах различных депутатов – как его сторонников, так и оппонентов. Те, кто поддерживал проект, призывали по-новому посмотреть на взаимоотношения властей, которые обрели бы в лице конституционного суда необходимого ар-

¹ *Sieyès E.J.* Opinion de Sieyès, sur les attributions et l'organisation du jury constitutionnaire proposé le 2 thermidor, prononcée à la Convention Nationale le 18 du même mois, l'an 3 de la République. P., III.

² *Bredin J.D.* Op. cit. P. 368.

³ *Loyseau J.R.* Aux assemblées primaires. Avis d'un Citoyen qui aime la liberté, & desire ardemment le retour de l'ordre & de la tranquillité. Le 12 Fructidor, l'an III de la République. P., III. P. 15.

битра. «Если бы законодательный корпус соединил действие с волей, он издавал бы, по выражению Монтескье, “тиранические законы, чтобы тиранически их исполнять”, – предостерегал Майль. – Если бы исполнительная Директория соединила волю с действием, она бы присвоила себе суверенитет, то есть стала бы деспотом». Необходимо, чтобы обе власти не могли перейти границ, определенных конституцией, следовательно, необходим конституционный суд¹, который мог бы заодно, по предложению П.А. Гарро (*Garrau*), судить и Директоров².

Это уже всерьез подрывало предложенный Комиссией проект, и Дону с Берлье ринулись в бой, заявив, что по их общей с Сийесом точке зрения конституционный суд не должен иметь никакого отношения к Директорам; к тому же необходимо, чтобы он выносил свои решения по поводу понятий, а не личностей³. А многие другие депутаты стали доказывать, что конституционный суд – и вовсе излишний институт в будущей политической системе.

Во-первых, если Совет пятисот примет что-либо, противоречащее конституции, Совет старейшин и так отменит его решение. Во-вторых, подобное учреждение в Пенсильвании подвержено всем партийным дразгам и отнюдь не конституцией руководствуется в своих решениях. В-третьих, суд может подмять под себя все остальные власти, а их и так три – три гарантии соблюдения конституции, так неужели один суд это перевесит? В-четвертых, как наглядно показал П.Ф. Лувэ из Соммы, система и так сверху донизу пронизана гарантиями: «Конституция и граждане имеют истинную гарантию в судах, которые контролирует кассационный суд, в администрации, которую контролирует исполнительная власть, в кассационном суде и исполнительной власти, которые контролируются законодательным корпусом, в двух частях законодательного корпуса, работающих раздельно, причем одна ничего не может

¹ Вообще, как заявил Майль, «идея конституционного суда – это, с моей точки зрения, одна из самых прекрасных политических концепций, порожденных человеческим разумом».

² *Moniteur*. № 314. Р. 1265.

³ *Moniteur*. № 315. Р. 1269-1270.

сделать без другой...»¹. (Характерно, что Дюран-Майян, когда много позднее признавался, что жалеет о том, что в то время не поддержал проект Сийеса, все-таки отмечал, что создание конституционного суда излишне усложняло всю конструкцию².)

Таким образом, проект Сийеса был отвергнут³, хотя, стоит признать, что в бумагах Комиссии есть десятки предложений, авторы которых настаивают на том, что подобный орган – чаще всего его называют цензурой – совершенно необходим⁴. Однако, по большому счету, предложенная им система действительно не знаменовала создание третьей независимой власти – судебной (для этого полномочия конституционного суда были слишком узки). К тому же рискну высказать серьезные сомнения в том, что создание этого дополнительного института, равно как и внедрение системы Сийеса в целом, придали бы французской политической системе дополнительную устойчивость. С другой стороны, часть публицистов пугали широкие полномочия, которые Сийес предусматривал для конституционного суда. «Г-н Сийес утомил ее [Комиссию одиннадцати. – Д.Б.] своим конституционным судом, – писал в те дни один из них, –

¹ *Louvet P.F.* Opinion contre la proposition d'un jury constitutionnaire, prononcée le 24 thermidor, an troisième, par P.F.Louvet (de la Somme), représentant du Peuple. P., III; *Berlier T.* Opinion de Berlier, sur le jury constitutionnaire, prononcée dans la séance du 24 Thermidor, l'an troisième. P., III; *Thibaudeau A.C.* Opinion de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le jury constitutionnel, prononcée dans la séance du 24 thermidor. P., III; *Faure P.J.D.G.* Opinion de P.J.D.G. Faure sur le Jury constitutionnaire, proposé par Sieyès et la Commission des Onze, et autres objets relatifs à l'état actuel. P., III; *La Réveillère-Lépeaux L.* Opinion sur le jury constitutionnaire, prononcée dans la séance du 24 Thermidor par L.M.Réveillère-Lépeaux, Député de Maine-&-Loire. P., III; *Moniteur*. № 329. P. 1326; № 330. P. 1329; *Ibid.* № 331. P. 1332.

² *Bastid P.* Op. cit. P. 171.

³ Рискну высказать предположение, что Сийес этого коллегам так и не простил. Известна фраза, брошенная им Лувэ: «Знаете, почему [одобрена конституция. – Д.Б.]? Потому что и те, кто ее предлагал, и те, кто ее принимали, одинаково над ней смеялись» (АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 94. Л. 12.). Не забудем также, что Сийес отказался войти в Директорию – не исключено, что по тем же мотивам (*Bredin J.D.* Op. cit. P. 377).

⁴ См., например: A.N., С 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 52; *Ibid.*, d.183 bis * 3/3. Doc. 91, 105; *Ibid.*, С 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 68; *Ibid.*, С 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 91. См. также: *Ronzier R.* Op. cit. P. 77-79.

да и всем своим планом, в соответствии с которым сотня его избранных, честолюбцев, интриганов, получила бы возможность взять в свои руки все ветви власти, и едва выйдя из-под одной тирании, мы тут же подпали бы под другую, обладающую ста способами нанести вред вместо десяти¹». В конституционном суде видели даже некую параллель королевской власти, за которую якобы и выступал Сийес³.

Однако в связи с обсуждением роли суда в потенциальных изменениях Конституции, в Конвенте возник другой вопрос, не затронутый Сийесом: а надо ли вообще в будущем что либо менять в тексте основного закона, не приведет ли сама возможность подобных изменений к деспотизму или анархии⁴? К тому же будущая Конституция III года казалась депутатам настолько совершенной, что они просто не видели смысла в дополнительных гарантиях ее устойчивости: «Как только конституция будет введена в действие, счастье возродится вместе с социальным порядком; и тот, кто захочет покуситься на эту благодетельную конституцию, найдет столько же противников, сколько есть граждан» (и это не мнение одиночки: прения закрываются, и Конвент единодушно отвергает проект Сийеса). А Ж.Ф. Филипп-Дельвиль (*Philippe-Deleville*) даже потребовал смертного приговора для каждого, кто захочет ее изменить. Депутатам представляется важным даже то, как именно записать: «Когда опыт обнаружит несоответствия в конституции...» или «Если...». Опасаются и специальной ассамблеи для ревизии конституции: Гийомар и Ларевельер-Лепо настаивают, чтобы она могла вносить только те изменения, которые ей предложены – не более того – чтобы не поменяли всю конституцию⁵.

Рассмотрев основные моменты дискуссии, можно уже подвести и первые итоги. Очевидно, что опыт шести лет Революции приводит Конвент к выводам, которых тот жестко придерживается: опасно доверять судьбу страны народным низам, нужно сделать все, чтобы предотвратить узурпацию власти одним человеком, нельзя включать

¹ Под «десятью» имеются в виду «децемвиры».

² *Loyseau J.R.* Op. cit. P. 19-20.

³ АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 94. Л. 45.

⁴ *Moniteur.* № 330. P. 1329.

⁵ *Moniteur.* № 332. P. 1336.

в Декларацию прав положения, грозящие подорвать стабильность будущего государственного устройства.

В то же время многие идеи, высказанные в проектах и включенные в текст конституции, мы вправе называть фундаментальными и принципиальными: отсутствие права на восстание, введение имущественного ценза, института выборщиков, двухпалатного парламента, частичного обновления законодательного корпуса. Нельзя не отметить и еще один момент: в ходе дискуссии депутаты показали себя настоящими «представителями народа» – огромное количество встречавшихся в переписке Комиссии мыслей, дополнений и уточнений были высказаны, независимо от этого, и с трибуны Конвента. Помимо упомянутых выше, можно привести еще немало примеров: и предложение, чтобы вновь избранные депутаты делились на палаты по жребию, и переход депутатов из одной палаты в другую в ходе легислатуры¹, и запрет эмигрантам участвовать в первичных собраниях² и многое, многое другое.

Резонно ли, в таком случае, говорить, что предложение присылать свои проекты было лишь игрой в демократию? Мне кажется, что нет. Правда, они послужили не базой для будущей конституции, как на это надеялись многие корреспонденты, а лишь своеобразным индикатором, указывающим слабые места как старой, так и новой конституций, наиболее популярные идеи. Трудно утверждать, что то или иное предложение попало в проект именно благодаря переписке Комиссии. Далеко не все вошло в окончательный текст конституции, предложенный на утверждение народа. Однако несомненно, что между Комиссией одиннадцати и ее корреспондентами существовал реальный обмен мнениями, и они, в основной массе, поддерживали проводившийся Конвентом курс на изменение Конституции 1793 года, поддерживали общее направление проводимых реформ.

И все же я далек от того, чтобы преувеличивать влияние многочисленных авторов проектов на решения Комиссии одиннадцати и, тем более, Конвента. Целый ряд принципиальных идей так и остался на бумаге: прямые выборы; четырехлетний срок легислатуры с

¹ Moniteur. № 305. P. 1229.

² Moniteur. № 340. P. 1369.

обновлением каждые два года наполовину (стал трехлетний срок с обновлением ежегодно на треть); имущественный ценз для членов Совета старейшин (в связи с появлением выборщиков и ценза для них необходимость в нем отпала); попытка сделать Директорию ответственной за неисполнение законов.

Теперь же, после завершения анализа проектов и дискуссии, остается еще один вопрос: на чьи суждения опирались депутаты в своих выступлениях. В ком они видели пример для подражания? И наоборот, кто им казался представляющим наибольшую угрозу? Как осмысливали последние шесть лет, какие выводы делали из того, что пережили вместе со всей страной? Этому и будет посвящен следующий раздел работы.